

ГЭЙЛ КАРСОН ЛЕВАЙН

ПРИНЦЕССА
ТРОИ

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

Дэвиду:
Спасибо за то, что не оставлял меня
и в худшие, и в лучшие времена.

Copyright © 2022, Gail Carson Levine.
This edition published by arrangement
with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

ТРОЯНЦЫ

- Аминта* — кузина Кассандры
Андромаха — невестка Кассандры, жена Гектора
Антенор — советник царя Приама
Кассандра — царевна
Конни — маленькая собачка царицы Гекубы
Кориф — сын Эноны и Париса
Деифоб — царевич и старший брат Кассандры
Гектор — царевич и старший брат Кассандры
Гекуба — царица и мать Кассандры
Гелен — царевич-близнец Кассандры
Кинфия — кузина Кассандры
Лаокоон — жрец Аполлона
Лаодика — царевна и младшая сестра Кассандры
Майра — гончая Кассандры
Мело — кузина Кассандры
Миртес — придворный музыкант
Паммон — царевич и старший брат Кассандры
Парис — царевич и старший брат Кассандры
Полидор — царевич и младший брат Кассандры
Приам — царь и отец Кассандры

АМАЗОНКИ

- Баркида* — первый мастер по изготовлению лука
Гамис — второй мастер по изготовлению лука
Кхаса — старшая кузина Рин
Ланнип — тетя Рин
Пен (Пентесилея) — царица и мать Рин
Ретра — младшая кузина Рин
Рин (Ширин) — царевна
Сераг — тетя Рин
Низкий Черный — конь из низкорослой породы

Высокий Бурый — конь из породы высоких лошадей
Юный Белогруд — пес Рин
Зельке — тетя Рин

ГРЕКИ

Ахилл — воин
Агамемнон — главнокомандующий греческой армии
Елена — жена Менелая
Гермиона — дочь Менелая и Елены
Менелай — царь Спарты
Прагора — няня Гермионы

ГРЕЧЕСКИЕ И ТРОЯНСКИЕ БОЖЕСТВА

Афродита — богиня любви и красоты
Аполлон — бог истины и пророчеств, защитник детей
Арес — бог войны
Афина — богиня войны и покровительница городов
Эрида — богиня раздора
Эвр — бог восточного ветра
Гера — богиня семейного очага
Посейдон — бог моря
Зевс — бог грома, повелитель бессмертных

БОЖЕСТВО АМАЗОНОК

Кибела — богиня земли и солнца, богиня-воительница

Часть первая

☐ КАССАНДРА ☐

*Гончая преследует мышь
по переулкам обнесенной высокими стенами Трои.
Что для гончей — игра, для мыши — борьба за жизнь.
И смертные — это мыши, когда боги ведут погоню.*

 1

Гелиос, бог солнца, еще спал, когда царица-мать Гекуба поцеловала меня в щеку и шепотом позвала: «Кассандра».

Моя гончая Майра прыгнула с кровати. Я крепко зажмурилась.

Ох! Процессия!

Я резко села. Майра обнюхивала собачку матери, Конни. Потрепав Майру по загривку, я наклонилась еще ниже, чтобы погладить и Конни. Затем обняла маму, чей растущий живот прижался к моей груди, — скоро у меня будет еще один братик или сестренка.

Я вдохнула успокаивающий солоновато-сладкий аромат миндаля, который мама собственноручно растирала, чтобы добавить в нашу еду. Тишина накрыла почти всю женскую часть дома, но, судя по возне неподалеку, Мело, Аминта и Кинфия, которые мне прислуживали, уже были на ногах.

Лампа в руках матери освещала ее счастливую улыбку.

— Моя канефора. Сегодня Троя в твоих руках.

— И на моей голове.

— Да. Хорошо тебе справиться, милая.

Канефора шла впереди процессии, ведя весь город к алтарю в священной роще, алтарю того бога или богини, которым было посвящено празднество. Без помощи рук она несла на голове тяжелую корзину с фруктами, медовыми пирогами и ножом для жертвоприношений. Подойдя к алтарю, она опускала корзину, на чем ее работа заканчивалась. Для празднества во имя Зевса, которое случится через два месяца, выберут новую канефору.

Я нервно барабанила пальцами по бедру. Во время вчерашней репетиции корзина опрокинулась. Если я ошибусь сегодня, пострадает весь город.

Мать выбрали канефорой, когда она была в моем возрасте, и она отлично справилась со своей задачей. Однако в прошлом году на празднике Артемиды, богини охоты, канефора споткнулась. После этого на протяжении шести месяцев олени, кабаны и кролики сторонились земель Трои, и наши охотники остались без добычи.

Сегодняшнее празднество было посвящено Аполлону, моему любимому бессмертному. Бог

света! Исцеления! Истины! Пророчеств! Защитник детей!

Особенно пророчеств.

Вот бы я могла заглянуть вперед и узнать, что сегодня я избежала катастрофы, — каким бы облегчением это было! А если чему-то суждено было пойти не так, я могла бы это исправить.

Других я бы тоже предупреждала. Будьте осторожны на лестнице! Не ешьте эту лепешку! Завтра в вашей корзинке для шитья спрячется гадюка!

Кинфия подошла ко мне, держа в руках позолоченный гребень.

— Тетя Гекуба, мы ее подготовим. — Она с готовностью начала сражаться с моими колтунами, весело хихикая, если я вскрикивала.

Майра завияла хвостом. Ей нравились все присутствующие.

— Мы все спланировали. — Мело втиснулась рядом с Кинфией. — Я отвечаю за украшения.

Аминта, самая застенчивая, держалась позади.

— Я помогу с пеплосом¹, — и едва слышно добавила: — Самой важной частью.

Аминта вряд ли могла заметить, как я ей улыбнулась. Мне бы хотелось подружиться с ней и Мело, но они были так близки, что, казалось, для других места уже не хватит.

¹ Пеплос — верхний покров, часть одежды, собранная в складки и закрепленная булавками, но, по сути, это прямоугольник ткани, обернутый вокруг владельца (Здесь и далее — прим. перевод.).

Мы с моими помощницами были двоюродными сестрами. Им было по семнадцать — на три года старше меня.

Наклонившись, я обхватила руками морду Майры. Ее глаза были такими блестящими. Она была моим другом.

Мама повесила лампу на ширму за моей кроватью и ушла, сказав, что скоро придет кашу. Конни затрусилась за ней следом. Если я сегодня не опозорюсь, мой ткацкий станок поставят рядом с маминим, и я смогу работать в ее теплой компании.

— Сначала прическа. — Кинфия жестом велела мне сесть на кровать.

Встав на колени позади меня, она заставила меня опустить голову и с силой провела расческой по спутавшимся волосам.

Я едва сдержала вскрик.

Майра заскулила.

— Тебе больно? — Кинфия дернула за колтун еще раз.

Я стиснула зубы.

— Канефора выше боли.

Наконец, расческа не нашла на своем пути ни одного препятствия. Кинфия легонько потрепала меня по голове — иногда она была милой.

Мело подала ей тонкую льняную ленту, которую надо было обернуть вокруг головы и вплести

в свободную косу. Это было сделано довольно быстро.

— Твоя очередь, — сказала Кинфия Аминте.

Слуга принесла поднос, на котором стояли миски с кашей.

Я велела поставить его на мой прикроватный столик. Остальные сами о себе позаботятся, но я была слишком взволнована, чтобы есть.

— Нет! — мой окрик был адресован Майре, которая тут же отступила от еды. — Хорошая собака!

Майра тут же завиляла хвостом. Она была лучшей собакой.

Руки Аминты были заняты церемониальным пеплосом, и, споткнувшись, она едва не упала в кашу. Счастливо избежав столкновения, кухня расстелила ткань на моей кровати.

Только бы я не споткнулась!

В отличие от наших повседневных шерстяных платьев, сегодняшний пеплос был из льна. Его собственноручно соткала моя мама, и на ощупь он был мягким и нежным, как кожаца винограда. На кремовой поверхности ровным строем расположились пурпурные треугольники, на расстоянии ладони от края. Никогда прежде я не носила ничего настолько красивого.

Аминта сложила его на две неравные части. Более длинная сторона опустится мне до самых лодыжек, другая — чуть ниже талии.

— Подними руки, пожалуйста.

Я держала их над собой, пока она заворачивала меня в пеплос. Он был идеально скроен, и Аминта отлично знала свое дело, так что ткань не обвисла у меня под мышками. В этом одеянии я буду выглядеть грациозно, а не неуклюже.

Кинфия, пританцовывая, подошла ко мне, держа две фибулы, которыми ткань скреплялась на плечах.

— От зависти я могу случайно уколоть тебя, Кассандра.

Только она могла сказать такое, словно это я была виновата, что стала канефорой.

Она закрепила иглы и провела их сквозь ткань, даже не коснувшись меня. Бронзовые фибулы были украшены бледно-голубыми терракотовыми бусинами. Закрепив пеплос, Кинфия взяла миску с кашей и начала есть, откинувшись на своей кровати.

Аминта обернула мою талию пурпурным поясом, который лег поверх и длинной, и короткой части пеплоса спереди и под более короткой сзади. Если я замерзну, то смогу накинуть ее на голову и плечи.

И, наконец, Мело принесла украшения для торжественных случаев: золотая спираль браслета на руку, увенчанного крошечной фигуркой Посейдона, бога моря; золотые серьги с гранатами; кольцо с рубином. Однако ничто из этого не было

особенно важно. Единственное, что действительно имело значение, — ожерелье.

Мело поднесла его ко мне, держа на вытянутых руках, пока мы хором читали загадку: «Что такое коричневое, загорелое и липкое, тяжелое, как золото, дешевое, как воздух, привычное, как облака, и любимое богами».

Повесив мне на шею связку сушеного инжира, Мело нараспев произнесла:

Сперва петля.

За ней узелок.

Пусть держится крепко.

— Или горе к нам придет, — закончила я, переиначив последнюю строчку. Инжир символизировал процветание и обильный урожай, и мне следовало быть осторожной: если ожерелье упадет с моей шеи, Трою будут ждать голодные времена.

Мы любили богов, они были добры и прислушивались к нашим мольбам — но также легко их было и оскорбить, и тогда они становились бессердечными и мстительными. Мы нуждались в них — ради урожая, погоды, музыки, счастливых семей — ради стольких вещей! Мои пальцы заледенели, стоило мне только подумать о том, что может произойти.

Мело сделала шаг назад.

— Тебе так повезло. — Ее отец был недоста-

точно богат, чтобы его дочь могли избрать канефорой. Она взяла свою кашу и начала есть стоя.

Я почувствовала укол вины.

Поставив миску на стол, она достала из сундука свой лучший пеплос.

Аминта помогла Мело облачиться, а я скрепила ткань ее медными брошами, на которых не было бусин.

Аминта пробормотала:

— Ты в детстве никогда не падала?

Наверняка падала, и не раз, но у нее, в отличие от меня, правую бровь рассекал шрам. Канефора должна быть без единого изъяна. Мне *и правда* повезло.

Ответила ей Кинфия:

— Гнев не омрачит слова Царицы Совершенства. Она говорит только правду — и делает это как можно мягче. В противоположность обжорам, она почти ничего не ест.

Я покраснела. Я ведь так и не притронулась к своей каше. Она бы тоже не ела, если бы у нее внутри все переворачивалось от волнения!

И я действительно разозлилась — в основном на нее.

Кинфия могла бы стать канефорой, когда ей было четырнадцать, как мне сейчас, если бы она проявляла больше уважения к матери.

Аминта взяла свою кашу и прошептала:

— Кассандра, ты прекрасна, как Афродита.

Афродита была богиней любви и красоты. Смутившись, я потрепала Майру по шее.

— Ты самая красивая собака в Трое.

Как бы то ни было, сегодня мне хотелось обладать одним-единственным качеством — хорошим равновесием. Я шепотом спросила у Аминты:

— Как думаешь, я ее уроню — корзину?

— Все будет в порядке.

Кинфия нас услышала.

— Может, и не будет. Случиться может все, что угодно. Ты можешь чихнуть. Кто-нибудь другой может на тебя наткнуться. Змея...

— Хватит! — хором шикнули на нее Аминта и Мело.

Майра залаяла, окончательно прогнав сон из женской части дома.

Но слова Кинфии уже сделали свое черное дело. Я воображала всевозможные бедствия: муху, севшую мне на нос; сильный порыв ветра; молнию Зевса, поражающую корзину с безоблачного неба.

Мело и Аминта держали меня под руки, пока мы спускались по лестнице, — той самой, по которой я носилась туда-сюда по сотне раз за день, когда была младше.

— Канефора не должна упасть, — сказала Мело.

Они тоже волновались?

Майра убежала вперед и улыбалась нам от самой нижней ступеньки.